

ПРОБЛЕМА НОМИНАЛИЗАЦИИ В НЕКЛАССИЧЕСКИХ ФОРМАХ АРГУМЕНТАЦИИ

*Работа представлена кафедрой философии
Тюменского государственного университета.*

В статье рассматриваются основания механизма номинализации в такой неклассической форме аргументации, как доксоморфный дискурс. Логико-семиотический анализ саморефлексирующей знаковой системы – нормального языка, позволяет продемонстрировать, в чем именно функции употребляемых неклассическими формами аргументации знаков специфичны по отношению к функциям знаков, используемых классическими системами выводного знания.

Ключевые слова: *мнение, докса, доксоморфный дискурс, означающая деятельность, логическая структура дискурса, референция, дескрипция, репрезентация, номинализация.*

PROBLEM OF NOMINALISATION IN NONCLASSICAL FORMS OF ARGUMENTATION

The bases of the nominalisation mechanism in such a nonclassical form of argumentation as doxamorphic discourse are considered in the paper. The logic-semiotic analysis of the self-reflective sign system – a normal language – makes it possible to show in what way the functions of signs used in nonclassical forms of argumentation are specific in relation to the functions of signs used by classical systems of deductive knowledge.

Key words: *opinion, doxa, doxamorphic discourse, significance activity, logic structure of discourse, reference, description, representation, nominalisation.*

Современной логике, как впрочем, семиотике и лингвофилософии, исследующим механизмы обоснования когнитивных действий субъекта, присуще явное или неявное стремление игнорировать и принижать различие между номотетико-дедуктивной, или классической формой аргументации, которая выражается, как правило, в терминах индивидуальных предложений относительно мира, связанных отношениями логического следования, и неклассической формой – доксоморфным дискурсом, или мнением, который является особой означающей практикой, интегрирующей все содержащиеся в ней индивидуальные предложения в единую семиотическую структуру. При этом взятый в топологической перспективе доксоморфный дискурс описывается некоторым конечным осмысленным множеством предложений – доксой, имплицитно содержащей организующую данное множество операцию – «точку зрения», индивидуализирующую ту партикулярную перспективу, исходя из которой следует анализировать или рассматривать некоторый предмет мнения – «мнимое», – и которая является своего рода логической аппликацией, или супрасегментарной функцией, собирающей множество высказываний в целое – *Ganze*, части которого, в отличие от выводных форм знания, более неразличимы.

Как следствие, вполне понятной становится склонность такого особого логико-семиотического учения, как доксология, – учитывающего, во-первых, тот факт, что мнение как неклассическая форма аргументации является специфической системой дескрипции и референции, а также, во-вторых, то, что доксоморфный

дискурс имеет подавляющее превосходство в повседневных речевых актах, – продемонстрировать, что конечные осмысленные множества высказываний, или доксы, принципиально отличаются от индивидуальных предложений, организованных в дедуктивную систему рядом логических и семантических свойств, и, следовательно, доксоморфная форма аргументации никогда не может быть полностью и адекватно редуцирована к номотетико-дедуктивной форме аргументации или индивидуальным предложениям.

Одним из оснований для проведения различия между номотетико-дедуктивной и доксоморфной формами аргументации выступает сам характер их обращения со знаками, поскольку и мнение, и выводное знание являются видами означающей – *signifiante* – деятельности, занимающими свои собственные, четко определенные, места в теле такой знаковой системы, как нормальный язык. В частности, именно в рамках доксоморфного дискурса находят свое употребление особого рода знаки – доксомы, которые по своим свойствам существенно отличаются как от имен понятий, так и самих понятий, в свою очередь активно используемых номотетико-дедуктивным дискурсом.

Следует отметить, что подробный анализ природы таких особых терминов, как доксомы, предпринимаемый в контексте исследования проблемы образования понятия – *Theorie des Begriffs*, предполагает возможность принятия двух, тесно между собой связанных, принципов – *непредикативности* и *автономии*, вполне совместимых с теми принципами, которые составляют фундамент доксологии как логико-

семиотического учения о знаковом мышлении и дискурсивной деятельности.

Функциональная логика, одна из первых версий которой представлена логицистским проектом Фреге, мыслит понятия в виде функции – $f(a)$, согласно которой ‘некоторое свойство f присуще предмету a ’ [15, с. 259–260], тем самым любое определение понятия по своей сути состоит в указании того, какое свойство должен иметь тот или иной предмет, чтобы подпадать под данное понятие. При этом Фреге трактует функцию в качестве того, чья сущность состоит в отнесении чего-то к чему-то, совершающегося по определенному закону, т. е. любая функция есть такое правилосообразное соотнесение предметов, которое одним предметам ставит в соответствие – *Zusammengehörigkeit* – другие предметы. Различая предмет и его имя, а также функцию и ее имя, Фреге отмечает характерную особенность знака функции – функционального выражения, – отличающую их от имен предметов: имена функций «ненасыщены» – *ungesaettigte*, т. е. нуждаются в восполнении именем предмета [15, с. 278–282, 357], – что в отношении природы понятия предполагает утверждение ее предикативности [15, с. 254–255], которая, в свою очередь, предполагает универсальность предметной области их определения.

Таким образом, если для функций Фреге предусматривает их иерархию, то он принципиально не допускает таковую для предметов и, значит, пробегов значений функций – классов и классов, состоящих из классов, поскольку отстаивает позицию, согласно которой все они находятся на одном и том же предметном уровне, независимо от уровней функций, более того, принятие иерархии предметов – и, значит, иерархии аргументных мест в функциях, с необходимостью приводит к «теории типов» для предметов, которая может быть найдена уже у Шредера, яростно критикуемого за это Фреге [15, с. 263–276], хотя в целом логическая теория, сознательно предусматривающая предметную иерархию и учитывающая все положительные моменты с этим связанные, создается немного позднее – Расселом. Следует также отметить, что, по сути, сама возможность предметной иерар-

хии не соответствовала глубокому убеждению Фреге в абсолютной универсальности законов логики [3].

Все это надо постоянно иметь в виду, когда рассмотрению подвергается предикативная природа понятия в фрегеанском проекте логицизма, для которой Фреге формулирует свой принцип полноты – *Grundsatz der Vollständigkeit* – включая тем самым представление о предикации в контекст своей концепции универсальности предметной области и устанавливая основоположение для дефиниции понятия, предполагающее, что определение понятия, т. е. потенциального предиката должно быть полным – *vollständig*, а именно для любого предмета оно должно недвусмысленно указывать, подпадает ли он под это понятие или нет, – иными словами, произвольный предмет Δ подпадает либо не подпадает под понятие Φ , – тем самым понятие должно иметь резкие границы, поскольку, если понятие определено нечетко – *unscharf*, то его в целом некорректно называть понятием; при этом возможная для функциональной логики квантификация $(\forall x)f(x)$, или ‘для каждого x имеет место f от x ’, $(\exists x)f(x)$, ‘существует x , такой, что f от x ’ – не только не отменяет предикативной природы понятия, а скорее ее подчеркивает.

Необходимо отметить, что анализируемое фрегеанское требование строгого отграничения понятий есть стремление к тому, чтобы каждое понятие имело постоянный, неменяющийся объем в виде некоторого неизменного и фиксированного предмета, приобретающее в логическом исчислении форму «основного закона»: $\forall x(\Phi(x) = \Psi(x)) \equiv (\dot{\exists}\Phi(x) = \dot{\alpha}\Psi(\alpha))$, – содержательным аналогом которого и является уже упоминавшейся принцип полноты.

В целом суть указанного логицистского метода определения понятий заключается в том, что в нем эти понятия не «постулируются», а «конструируются». Иными словами, начинать следует не с постулатов и аксиом, устанавливающих существование объектов, обладающих определенными свойствами и тем самым подпадающих под определенное понятие, а с конструирования посредством явных определений таких логических структур, которые благодаря этим определениям обладают теми

свойствами, что приписываются понятиям, тем самым образование понятия является не созданием, а только наименованием чего-то такого, что уже предварительно существует, поскольку не существует и не может существовать никаких «созидающих определений», так как «...никакая дефиниция не может быть в такой мере созидательной, чтобы она могла придать вещи свойства, которых она вовсе не имеет...» [15, с. 216].

Однако отстаиваемая логицизмом предикативная природа понятия, связанная прежде всего с рассмотрением понятия с позиций теоретико-множественного подхода, в контексте появления антиномий, потребовала в целях своего сохранения отказа от фрегеанского принципа универсальности предметной области, что было оформлено введением расселовской «теории типов» – «простой» и «разветвленной».

Теперь, если ради простоты ограничить анализ «простой теории типов» одноместными функциями, или свойствами, и отвлечься от многоместных функций, или отношений, то идея Рассела, заложенная в ее основание, заключается в требовании такого разделения функциональных выражений, согласно которому к простейшему их типу относятся имена предметов, или «индивидов», рассматриваемой нами области – « a, b, \dots », к следующему типу причисляются свойства этих предметов – « $f(a), g(a), \dots$ », затем следует тип, включающий в себя свойства этих свойств – « $F(f), G(f), \dots$ », тем самым, по сути, утверждается основное правило, предполагающее, что каждое понятие относится к определенному типу и может осмысленно применяться только к выражениям надлежащего типа. Отсюда, соответственно, предложения вида « $f(a)$ » или « $F(f)$ » осмысленны, т. е. либо истинны, либо ложны, в то время как выражения вида « $f(g)$ » или « $F(G)$ » не являются ни истинными, ни ложными, они просто бессмысленны, в частности, бессмысленным оказываются такие выражения, как « $f(f)$ » или « $\sim f(f)$ », иными словами, оказывается невозможным осмысленно утверждать о некотором свойстве то, что оно принадлежит или не принадлежит самому себе, а это позволяет, как кажется, избежать антиномий. В целом,

идея Рассела заключалась в том, чтобы распространить фрегеанскую иерархию функций на предметный универсум, введя аналогичную иерархию предметов, что исключало возможность высказываний типа ' $x \in x$ ', так как перед знаком принадлежности элемента множеству – ' \in ' – и за ним должны фигурировать предметы, или, точнее, имена предметов, обязательно различных типов [11].

Согласно «разветвленной теории типов», свойства каждого типа выражений, в свою очередь, также подразделяются на «порядки», что связано не с видом предметов, к которым относятся свойства, а с той формой определения, с помощью которой вводится свойство, благодаря этому в определение некоторого свойства никогда не может войти совокупность, включающая само это свойство, возникающее ослабление «теории типов», вызванное такого рода разветвлением, компенсируется Расселом посредством введения так называемой аксиомы сводимости – *reducibility*, согласно которой различные порядки одного типа можно в определенном отношении свести к самому низкому порядку этого типа [20, с. 188–189; 4, с. 230–231; 7, с. 228–229; 13].

Указанное ослабление «простой теории типов» путем ее «разветвления» и дополнения аксиомой сводимости было, по сути, вызвано двумя положениями, тесно связанными друг с другом: необходимостью устранения логических антиномий и так называемым принципом порочного круга – *vicious circle principle*.

Недопустимость использования принципа порочного круга, отстаиваемая такими исследователями, как Пуанкаре, Рассел, Вейль и Хинтикка, накладывает на непредикативное образование понятий запрет, поскольку именно его нарушение приводит к возникновению логических антиномий, при этом образование понятия полагается «непредикативным», если оно определяет некоторый объект со ссылкой на совокупность, к которой принадлежит этот объект.

Тем не менее, несмотря на довольно убедительную аргументацию в пользу запрета на «непредикативное» использование знаков в номотетико-дедуктивном дискурсе [20, с. 213–214], он оказывается отнюдь не столь

уместен при исследовании свойств дискурса доксоморфного. В этой связи необходимо отметить, что наиболее отвечающей основным принципам доксологии является позиция Рамсея, полемизирующая с исследовательской линией Пуанкаре – Рассел – Вейль и допускающая непредикативное образование понятий, но в то же самое время предотвращающая возможное появление антиномий.

Прежде всего Рамсей продемонстрировал, что любые антиномии подразделяются на два совершенно различных вида: во-первых, так называемые «логические» антиномии, относящиеся к логическим знакам, для устранения которых достаточно «простой теории типов», поскольку такие свойства, как «несамоприменимый» и ему подобные, вообще оказывается невозможным определить, так как выражение – « $\sim f(f)$ », сообщающее о том, что некоторое свойство не принадлежит самому себе бессмысленно и неприемлемо, равно как и утверждение о том, что класс является членом самого себя [10, с. 34]; во-вторых, «семантические» антиномии, которые по своей сути вообще не могут быть образованы в символическом языке логики и тем самым их можно не принимать во внимание [10, с. 37–38]. Наконец, вскрыв и проанализировав такой серьезный недостаток, как трактовка тождества, предполагаемая аксиомой сводимости, Рамсей объявляет разветвленную теорию типов и вместе с ней аксиому сводимости излишними, открывая возможность для непредикативного образования понятий. Следует отметить, что Карнап, анализируя предложенные Рамсеем устранение аксиомы сводимости и оправдание непредикативного образования понятий, подчеркивал их важность, но, в то же время не соглашался с основными, «теологическими» по его собственному определению, рамсеевскими интуициями относительно того, что совокупность свойств существует до их обозначения с помощью определений, поскольку считал, что следует придерживаться фрегеанской позиции, согласно которой необходимо принимать лишь то, существование чего доказано, а именно доказано в конечном число шагов, так как этого требует принцип конструктивизма, заложенный в основания

логицизма, поскольку проверка логических общих высказываний, как полагает Карнап, вовсе не сводится к исследованию всего ряда конкретных случаев появления свойства. Это объясняется тем, что в данном случае, как и вообще при непредикативных определениях, речь идет о бесконечных совокупностях объектов, соответственно, «...если отбросить мысль о необходимости проверять все отдельные случаи и уяснить себе, что общезначимость некоторого высказываний для любого свойства не означает ничего иного, кроме его логического (точнее, тавтологического) значения при неопределенном свойстве, то мы приходим к убеждению в том, что непредикативные определения логически допустимы...» [4, с. 235–238], и в частности, сам нормальный язык ставит в этом отношении жесткое и конструктивистское по своей сути ограничение, подразумевающее то, что его применение требует умения образовывать бесконечное число предложений, пользуясь конечным числом правил грамматики.

Таким образом, принятие принципа непредикативности, соответствующего логическому аспекту доксологии, подразумевает признание того, что *доксома есть термин, образуемый непредикативно* и, следовательно, *значение такого рода термина удостоверяется при помощи той совокупности, – доксы, – к которой он принадлежит*, в свою очередь, являясь именем собственным – ‘ $\delta_{|x|}$ ’ – некоторого «мнимого» предмета – $|x|$, доксома так же, как и сам «мнимый» предмет, оказывается насыщена, более того, в контексте принципиальной омонимичности доксом, возникающий, казалось бы, парадокс, заключающийся в том, что если все доксомы имеют один объем и не могут быть дополнены противоречащими друг другу предикатами, то они тождественны и могут быть заменены друг на друга, что невозможно, снимается, поскольку еще Фреге упоминал о том, что возможны такие равнообъемные понятия, когда объем, принадлежа одному из понятий, не принадлежит другому [2, с. 482].

По сути, рассматриваемая в такого рода контексте проблема образования понятий маркирует именно ту область, в которой

происходит самое близкое соприкосновение логики и философии языка, более того, в ней они, если можно так выразиться, сливаются в неразрывное единство, поскольку всякий логический анализ понятия постепенно переходит в анализ знаков и имен, используемых для его обозначения [5, с. 217–257]. При этом последовательно отстаиваемый доксологией номинализм сводит обе проблемы в одну, растворяя тем самым содержание понятия в содержании и функции знака, так что и само истинностное значение становится для нее не столько логической, сколько языковой характеристикой: *veritas in dicto, non in re consistit, или истина может быть лишь в том, что высказано, а не в самих вещах*, т. е. доксология имеет дело с соответствием, обнаруживаемым не в вещах, но относящимся исключительно к сочетанию знаков, а это предполагает, что вопрос о значимости и происхождении понятия с необходимостью отсылает к вопросу о происхождении знака, который только и доставляет – *verschafft* – вещи ее возможность, и, следовательно, исследование генезиса значений знаков, или имен, – номинализации, – оказывается единственным средством, способным открыть для нас имманентный смысл понятия и его функцию в структуре познания.

В целом споры, разразившиеся вокруг возможности непредикативного образования понятий, нашли свое отражение в последовательно проводимой «антименталистской» критике «традиционной» теории значения и появлении так называемой «новой теории референции», – вызывающей особый интерес в контексте своего приоритетного интереса к анализу структур нормального языка, – основные положения которой сформулировали такие исследователи, как Доннелан, Крипке, Каплан и Патнэм. Поддерживая тенденцию линии Рассела-Витгенштейна в том, что отношения между языком и миром необходимо представить как прямые, не опосредованные никакими ментальными сущностями, «антименталисты» выдвинули утверждение, согласно которому референция таких важнейших категорий языковых выражений, как имена собственные, термины естественных видов

и индексальные выражения, устанавливается без посредничества каких бы то ни было интенциональных образований.

Следует отметить, что «новая теория референции» выдвигает ряд серьезных аргументов против «традиционной» трактовки значения общих терминов, опирающейся на фрегеанский принцип абстракции и позицию, согласно которому интенционал термина определяет его экстенционал, т. е. интенционал образует необходимое и достаточное условие для вхождения объекта в экстенционал. Неадекватность такой трактовки прежде всего содержится в том, что общий термин может иметь аномальных членов, которые не удовлетворяют соответствующей конъюнкции свойств, но тем не менее принадлежат к данному общему термину, при этом главная трудность, с которой сталкивается «традиционная» теория, состоит в невозможности указать такую конъюнкцию свойств, которая позволила бы выделить общий термин одним-единственным образом. Иными словами, суть аргументов, отстаиваемых «антименталистами», заключается в том, что ни одно из свойств, обычно включаемых в интенционал общего термина, не годится для его аналитического определения, поскольку согласно «традиционному» истолкованию аналитической истины она должна быть априорной и необходимой, но ни одно из указанных в интенционале общего термина свойств нельзя считать необходимым, поскольку принадлежность объекта к некоторому общему термину может и не зависеть от обладания этими свойствами, более того, даже если интенционал содержит дескрипции существенных свойств общего термина, которые, как кажется, являются необходимыми, тем не менее они также оказываются непригодны для аналитического определения, поскольку их истинность есть следствие эмпирической проверки и тем самым не является априорной.

Согласно «новой теории референции» затруднения, которые связаны с «традиционной» трактовкой, могут быть сняты, если признать возможность того, что общие термины «сами выполняют работу» по установлению своих экстенционалов, при этом механизмом, позволяющим это осуществить, а стало быть и

объяснить референцию, являются каузальные связи между носителями языка и референтами используемых ими слов, именно поэтому в целях описания каузального механизма в определении референции общих терминов Патнэм вводит понятие «парадигмального» или «стереотипного» образца, поскольку обычно имеет место некоторое «первоначальное» присвоение термина определенным представителям некоторого естественного вида, которые становятся «парадигмальными» образцами этого вида и в дальнейшем именно по отношению к ним устанавливается принадлежность других объектов к этому виду, т. е., по сути, сами действительные вещи, какова бы ни была их дескрипция, сыгравшие определенную каузальную роль в нашем овладении и последующем использовании терминов, определяют то, на что указывают эти термины [8].

Однако для доксологии, анализирующей операции, производимые над «мнимыми» предметностями, подход, предлагаемый «новой теорией референции», без соответствующих исправлений оказывается столь же неудовлетворительным, как и уже рассматривавшийся «традиционный», где принадлежность некоторого объекта общему термину устанавливается путем идентифицирующих дескрипций.

Необходимые коррективы «антименталистской» семантической концепции предполагают несколько иную трактовку таких особых терминов, как доксомы, устанавливающую то, что структуры, с которыми связано значение используемых терминов, представляют собой лишь знаки, употребляемые надлежащим образом, но вовсе не ментальные репрезентации, наподобие стоических *λεκτόν*, с необходимостью указывающие на некие внешние объекты. Подобного рода исправления признает, в частности, и сам Патнэм, отмечавший, что «...понятия не являются ментальными представлениями, в силу присутствия им свойств указывающими на внешние объекты, по той решающей причине, что они вообще не являются ментальными представлениями <...> понятия – это употребленные определенным способом знаки... но сам по себе знак, в отрыве от своего использования,

еще не есть понятие...», более того, «...знаки не обладают референцией в силу своих свойств...» [9, с. 33], а это требует признания того, что в определенной перспективе мир скорее состоит из самоидентифицирующихся объектов – «мнимых» предметностей, которые нельзя считать независимыми от артикулирующего их доксоморфного дискурса, поскольку обозначающие их омонимичные по своей природе доксомы, или имена этих «мнимых предметностей», утрачивают свое собственное значение вне того означивающего комплекса, который определяют какие именно из конструируемых свойств выражают сходство, а какие – различие. Тем самым подмена любых эссенциалистских по своей сути допущений утверждением некоторого множества самоидентифицирующихся объектов, связанных с концептуальными схемами, или способами описания и референции, которые имплицитно присутствуют в любом мнении и которые определяют то, как мы видим и осмысливаем мир, предполагает, что *значение лингвистических выражений*, и в частности, повествовательных структур нормального языка, опосредованных логической формой мнения, является тем, что *показывает себя в знаках и значащих структурах*, поскольку при доксоморфном употреблении языка имеет место определенная «техника употребления» знаков, предоставляемая в распоряжение супресементарной функцией, связывающей множество значащих структур в целое – доксоморфный дискурс, и именно поэтому само знаковое мышление – это не просто автономная деятельность, не поддерживаемая никакими другими видами деятельности, а способность, вплетенная в сложную систему практик как лингвистических, так и нелингвистических, налично обнаруживающая себя в процедурах *номинализации, т. е. таком процессе, где модифицирующий член – имя собственное или знак – уклоняется от выполнения любой предикативной функции, беря на себя лишь функцию детерминации своего означаемого, которому тем самым не приписывается никакая экзистенциальная характеристика.* Как следствие, важнейшая функция доксоморфного употребления языка заключается

не в том, чтобы инкорпорировать в дискурс нечто ему внеположенное – референт, но в том, чтобы утвердить, заставить возникнуть некую «внеязыковую реальность», хотя в то же самое время любые предметности располагаются и обозначаются в рамках доксы потенциально, т. е. через посредство их имени или знака, отсюда, если воспользоваться теми аргументами, на которых настаивает трансцендентализм, то любого рода означивающие практики должны и могут опираться лишь на *допредикативную суппозицию*, т. е. на вполне определенную «перспективу трансцендентального эго» в отношении той или иной предметности, поскольку, собственно, исходя из нее и определяется правильность суждений об этой предметности. Иными словами, уклоняясь от предикации, такой означивающий комплекс, как мнение, и все регулируемые им семиотические практики избегают высказывать «нечто» по поводу «предмета», а вместо этого задают себе неисчерпаемую и стратифицированную область разъединений и комбинаций, исчерпывающих себя в бесконечности и точности своих маркеров, т. е. *означивающая деятельность, артикулируемая доксоморфным дискурсом, хотя и находит свое проявление в языке, тем не менее ничего и ни о чем не сообщает, но осуществляется в процессе очерчивания собственных границ, когда знак становится комплексом апплицируемых структур значения*. При этом язык функционирует таким образом, что имена, которыми наделяются предметы, с одной стороны, следуют уже имеющимся разграничениям, а с другой – впервые устанавливают такие границы.

Таким образом, доксама – ‘ $\delta_{|x|}$ ’, или имя собственное некоторой «мнимой» предметности – $|x|$, в отношении которой традиционный механизм установления референции имен собственных себя не оправдывает, по сути, имя лишь наделяет тело знака «смыслом», т. е. способом его употребления [21, с. 17]. Доксома как имя не обозначает то, что удовлетворяет некоторым перечисленным дескрипциям, поскольку «мнимая» предметность, на которую она указывает, не соответствует связываемой с ней дескрипцией*, что дает все необходимые основания для утверждения, согласно кото-

рому доксама есть *жесткий десигнатор*, обозначающий один и тот же «мнимый» предмет в любом из возможных миров, в котором он существует. Иными словами, доксама как имя «мнимой» предметности, которое означает всегда одно и то же во всех возможных мирах, анализируемая в контексте процесса номинализации, *есть функция самообозначения знака, в которой раскрывает себя автонимность – возможная и императивная – доксоморфного употребления нормального языка***.

В целом, номинализация есть по сути проявление уникального феномена «именования означиваемых», при этом анализ, предпринятый в контексте того, что сегменты значения бывают двух видов: в одних означивающее отсылает к эксплицитному означиваемому – денотату, а в других – к «мнимому» означиваемому имплицитному самой доксе, позволяет установить принципиальное различие таких означивающих комплексов, как денотативный, артикулируемый номотетико-дедуктивными практиками, и доксоморфный дискурсы, которое непосредственно связано с тем, каким образом появляется означиваемое. Так, если при доксоморфном употреблении языка происходит отсылка к имплицитному самой доксе означиваемому – «мнимому», которое, в свою очередь, имеет свое отдельное выражение – доксома, образующую, разумеется, знак, но знак особого рода, основание структуры которого предполагает наличие изологии означивающего и означиваемого, как правило, сильно затрудняющей структуризацию означиваемых, поскольку их не удастся «отклеить» от своих означивающих, так как они и есть эффект, возникающий в результате их использования, то, соглашаясь с аналитическими интуициями семиологии, оказывается возможным утверждать, что система доксоморфного употребления языка не совпадает, а значит, и не является абсолютно тождественной системе нормального языка, в котором означиваемых много, в то время как в доксоморфном дискурсе, всякий раз, когда имеет место изология, речь идет об одном и том же означиваемом – «мнимом», неподдающемуся никакой структуризации, поскольку «...все означивающие суть вообще-то лишь его метафорические формы...» [1, с. 227].

Соответственно принятым принципам – *непредикативности* и *автономии*, предмет мнения – «мнимое», рассматриваемый как обезначенный *топос* мысли – есть по своей сути доксоморфный уровень языкового функционирования, который, отнюдь не являясь отражением структур предложения, более того, предшествуя им и не вмещаясь в их рамки, позволяет составить их значение, предполагает необходимость анализа такой означающей деятельности, которая, совершаясь в языке, оказывается не сводима к речи, артикулируемой в процессе так называемой нормальной коммуникации, т. е. выявляет собственную несводимость к универсалиям и законам их комбинирования, кодифицированным грамматикой. Тем самым предназначение «мнимой» предметности, трактуемой как «означающее-производящее-себя-самого», заключается в *порождении для дискурсивного множества не предложения, ограниченного субъектно-предикатной схемой, а такого означающего, которое рассматривается на различных стадиях означающей деятельности как означаемое*, по отношению к которому наличное, присутствующее здесь означающее – докса, имя собственное или иной контингентный значащий элемент – является всего лишь одним из маркеров, который манифестирует то место – *топос*, где осуществляется знаковое мышление, посредством аппликации любых значащих элементов между собой так, что, покидая собственное место, они образуют такой особый означающий комплекс, как мнение, предмет которого – «мнимое» – и есть

множество овнешняющих – *Aeusserung* – его означающих, внутри которого, но принципиально не вне его, могут быть помещены, а тем самым и свёрхдетерминированы любые значащие структуры доксоморфного дискурса.

При этом производство означающих в доксоморфном дискурсе не просто имеет дело со структурой нормального языка, имплицитно содержащей бесконечное множество способов означивания, оно порождает в ней сдвиги и трансформации, так как оно есть нечто большее, чем структура и структурирование – это рефлексия, по сути своей предполагающая замкнутость и финитность, поскольку именно пребывая в структуре нормального языка, «мнимое», смещает ее и манифестирует ту множественность означающей деятельности, артикуляция которой составляет функцию наличной структуры, т. е. доксоморфного дискурса. Кроме того, само «мнимая» предметность не являясь структурой, но в то же время, структурируя располагающиеся в ней элементы знаковых комплексов, придавая им значение и осмысленность – *Besonnenheit* – по сути есть то, что образует некий механизм саморефлексии языка и всех видов означающих практик, которые ему известны, поскольку именно в ней как динамизированности – *Möglichkeit* – любой предметности, могущей быть выраженной посредством знаков, потенциально скрыты все конкретные существующие и возможные способы означивания, до того как, подвергшись маркированию, они артикулируются тем или иным дискурсом [14, с. 507–509; 6, с. 297–298].

ПРИМЕЧАНИЯ

* В этой связи следует отметить довольно интересную трактовку единичных терминов, которыми оперирует нормальный язык и к которым, в частности, относятся дейктические выражения, имена и обозначения, принадлежащую Тугендхату и заостряющую внимание на том, что выполнение единичными терминами функции представления предметов – *für Gegenstände stehen* – само по себе не лишено определенного рода проблем, поскольку произнести имя – это не значит что-либо сказать, но значит лишь дать повод спросить о том, что тем самым имеется в виду. Отсюда, соответственно, назначение единичных терминов заключается не в представлении предмета, а в его спецификации, которая подразумевает его выделение на фоне других возможных предметов [12, с. 209, 214–215].

** Нет сомнений, что многие из тех затруднений, с которыми сталкивается анализ доксоморфного дискурса, отчасти обусловлены присущей ему автономией, т. е. тем, что в нем постоянно смешиваются *употребление* и *упоминание* терминов, иными словами, слово обозначается одновременно как предмет и как знак [1, с. 81].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Барт Р.* Система моды. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 512 с.
2. *Бирюков Б. В.* В логическом мире Фреге // Фреге Г. Логика и логическая семантика. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 443–509.
3. *Бирюков Б. В.* Крушение метафизической концепции универсальной предметной области в логике. Контroversia Фреге-Шредер. М.: КомКнига, 2005. 136 с.
4. *Карнап Р.* Логистические основания математики // Журнал «Erkenntnis» («Познание»). Избранное. М.: Издательский дом «Территория будущего» – Идея-пресс, 2006. С. 225–238.
5. *Кассирер Э.* Философия символических форм. Язык. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. Т. 1. 272 с.
6. *Кристева Ю.* Σημειωτική. Исследования по семанализу // Избранные труды. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 31–394.
7. *Куйн В.* Расселовская теория типов // Б. Рассел. Введение в математическую философию. Избранные работы. Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2007. С. 222–236.
8. *Куслий П. С.* Имена, дескрипции и проблема жесткой десигнации // Эпистемология & философия науки. 2008. № 2. С. 103–118.
9. *Патнэм Х.* Разум, истина и история. М.: Праксис, 2002. 296 с.
10. *Рамсей Ф. П.* Основания математики // Философские работы. Томск: Изд-во Томского университета, 2003. С. 15–64.
11. *Рассел Б.* Математическая логика, основанная на теории типов // Введение в математическую философию. Избранные работы. Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2007. С. 21–65.
12. *Соболева М. Е.* Философия как «критика языка» в Германии. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2005. 412 с.
13. *Суровцев В. А.* Программа логицизма и теория типов Бертрانا Рассела // Б. Рассел. Введение в математическую философию. Избранные работы. Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2007. С. 5–20.
14. *Фихте И. Г.* Наукоучение 1813 г. // Система учения о нравах согласно принципам наукоучения; Наукоучение 1805 г.; Наукоучение 1813 г.; Наукоучение 1814 г. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2006. С. 481–554.
15. *Фреге Г.* Логика и логическая семантика. М.: Аспект Пресс, 2000. 512 с.
20. *Френкель А. А., Бар-Хиллел И.* Основания теории множеств. М.: КомКнига, 2006. 552 с.
21. *Фуко М.* Это не трубка. М.: Изд-во «Художественный журнал», 1999. 152 с.